

ж. "Свободная мысль" (Москва), 1995, № 12.
С. 110-114.

РУССКИЙ АНАРХИЗМ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

«Тоталитарные режимы XX в. в России, в Германии, в других странах много сделали для того, чтобы максимально стереть из общественной памяти следы анархической мысли, пресечь развитие анархизма, изолировать и уничтожить его теоретиков» (стр. 3). Между тем события нашей истории последнего десятилетия подтверждают мысль, высказанную на Западе «новыми левыми» еще в 1970-х: анархизм жив и как интеллектуальная традиция, и как политическая сила.

Осмыслению феномена русского анархизма и посвящена книга доктора юридических наук, автора многих работ по истории политических и правовых учений*, выдержкой из которой начаты эти заметки.

Построенная на обширном фактическом материале (в том числе архивном — более чем 40 фондов), снабженная солидным научным и библиографическим аппаратом, книга не просто излагает полтора вековую историю анархизма в России (включая слабо изученный этап 1920—1930-х). Автор проследивает логику эволюции взглядов российских анархистов и тем самым как бы перебрасывает мост между прошлым и настоящим. Книга заинтересует не только ученого или студента; немало полезного почерпнут из нее и практикующие политики. Как те, кто имеет дело с представителями наших бесчисленных партий и движений, так и те, кто пытается разобраться в хитросплетениях идей, выплеснутых в последние годы на российский интеллектуальный рынок. А это еще один шаг по пути к нашему политическому и правовому самопознанию, потребность в коем ныне столь очевидна.

«Анархия», «анархизм»... Мы далеко не

всегда отдаем себе отчет в том, что за этими словами стоят явления хотя и близкие, в чем-то совпадающие и даже взаимопорождающие, но все же не тождественные. «Анархия», отмечает автор, обозначает и «состояние безвластия», неуправляемости, беспорядка в политической жизни общества; и тот идеальный строй (отнюдь беспорядку не тождественный), который описывали в разное время М. Штирнер, П. Прудон, М. Бакунин, П. Кропоткин, другие теоретики; и черту стихийной, саморегулируемой экономики, рыночных отношений, а также договорной и стихийной природы международного права. Иное дело «анархизм». Это понятие обозначает определенное мировоззрение; тип политического и правового сознания; идеологию; политическое движение и, наконец, степень социального развития, которая, по мысли ряда анархистов, должна прийти на смену социализму.

Если, учитывая эти различия, посмотреть на нынешнюю Россию, то что же мы увидим? Ну, конечно, первое, что бросается в глаза, — анархию как беспорядок в политической и экономической жизни общества и вместе с тем как черту тех странных квазирыночных отношений, которые сложились за последние годы.

Но видим мы и нечто иное, а именно: возрождение анархистского политического и правового сознания, которое еще недавно казалось навсегда сгинувшим, и даже элементы новой анархистской идеологии, черпающей вдохновение в классической традиции.

Ее родоначальником в России по праву можно считать Бакунина, личности и взглядам которого посвящены десятки работ (в том числе самого С. Ударцева, серьезно занимавшегося архивами этого мыслителя). И хотя большая глава «Ранний классический анархизм: учение М. А. Бакунина» отчасти повторяет прежние публикации автора (что, впрочем, естественно

* С. Ф. Ударцев. Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность. Алматы, «Казахстан», «Высшая школа права «Эдилет»», 1994, 382 стр.

для итоговой монографии), она не выглядит ни лишней, ни вторичной. Перед читателями предстает фигура бунтаря, мечтателя, утописта, прошедшего через камеру смертников. И при всем своем интернационализме, при всех своих метаниях по европам — натуры глубоко русской.

Бакунина часто упрекали в отрицании власти как таковой. Несправедливое обвинение. Он отвергает государственную, принудительную власть, но не власть вообще. Больше того, «в письмах, не предназначавшихся для широкого оглашения, Бакунин... согласен на диктатуру «невидимой» организации, ее железную власть, чтобы достигнуть и «поддержать» безвластную (точнее, «безгосударственную». — Э. Б.) организацию общества. Анархист Бакунин приходил к парадоксу: диктаторское начало должно лежать в основе безгосударственной социальной организации» (стр. 154).

Парадокс, увы, характерный не только для анархизма и не только для XIX века. Чего только не хотели (и не хотят) у нас построить с помощью невидимой диктатуры: и федерацию свободных общин, и социалистическое государство, и «передовое демократическое» общество...

Конечно, главной мишенью для анархистов всегда было государство. В нем они видели «политическую основу для всяких форм экономического и социального порабощения, саму сущность и центр всякой реакции» (стр. 129). Отсюда и смертный приговор, вынесенный Бакуниным государству, а вместе с ним и представительной демократии как институту, основанному, по его словам, «на мнимом господстве мнимой народной воли, будто бы выражаемой мнимыми представителями народа в мнимо-народных собраниях» (стр. 136). Как это напоминает ленинские филиппики против парламентаризма! Вообще, читая книгу, лишней раз убеждаешься в том, как много созвучий между практикой переустройства общества в первые годы советской власти и идеями Бакунина (не всегда, впрочем, оригинальными), ратовавшего за отмену права наследования, официального брака, за общественное воспитание детей и фактически снимавшего с индивида ответственность за правонарушения, поскольку, по его убеждению, преступниками становятся под влиянием «социальной среды».

Но Бакунин поднимал и вопросы, которые ныне дискутируются российскими (и не только) политиками. Один из них — проблема федерализма. Автор «Государственности и порядка» ратовал за многоступенчатую — имеющую общинный, провинциальный, национальный и международный уровни — федерацию, негосударственную организацию, основанную на самоуправлении, построенную по иерархическому принципу и реализующую власть индивидов и ассоциаций. И хотя Бакунин не отрицал наличия элементов политической фантазии в своем проекте, сам принцип «снизу вверх, от периферии к центру», на

котором должна строиться федерация, фантастическим отнюдь не считал.

Сквозная для анархизма проблема — соотношение права и закона. Поддерживая так называемое естественное, общечеловеческое право, определяющее общие правила и принципы поведения, Бакунин отвергал «политическое и юридическое право», то есть государственные законы как «источник самой полнейшей безнравственности». Общественная жизнь, полагал он, должна регулироваться договорами, а ответственность (разумеется, общественная) — превратиться из юридического права в простой факт.

Новая страница в истории русского анархизма — «поздний классический анархизм», по классификации автора книги, — связана с именем Кропоткина. Исповедуя, как и Бакунин, революционное отрицание государства, Кропоткин иначе трактовал функции этого института, считая, в частности, его вмешательство в экономику при определенных условиях полезным для общества. Готовясь к Государственному совещанию (созванному правительством Керенского в августе 1917-го), Кропоткин делал наброски, в которых намечает ряд неотложных мер, которые должно было бы осуществить государство в области экономики (с.м. стр. 192).

Как и Бакунин, Кропоткин был сторонником федерации. Но он допускал возможность ее существования и в государственной форме (пусть только на время). Федерализм для Кропоткина — «форма объединения, соответствующая важнейшему, по его убеждению, фактору прогресса животного мира и человеческого общества — закону взаимной помощи» (стр. 198). Отсюда и допущение федерации (как переходной ступени к безгосударственному строю), предполагающей не только «территориальную», но и «функциональную» децентрализацию государства. Позднее, в 1918 году, Кропоткин подчеркнул: «Только путем федеративного договора и союза может установиться единение, без которого равнины России рискуют обратиться в яблоко раздора между ее воинственными соседями, настоящими и будущими» (стр. 201).

Противопоставляя в типично анархистском духе право и закон, Кропоткин и это делает менее жестко, чем Бакунин. Он признает двойственный характер законодательства: «...Если бы Закон содержал только правила, полезные для власти имущих, он не мог бы утвердиться; ему скоро перестали бы повиноваться...» (стр. 225). Вместе с тем, как и Бакунин, Кропоткин видит меру и гарантию права в силе; естественные права народа и воплощающие их законы уважаются лишь тогда, когда народ способен заставить их уважать.

Кропоткин прожил долгую жизнь и имел возможность собственными глазами увидеть, в какую грубую материю обращаются благие намерения, когда становятся делом революционной практики. Автор приводит легендарный эпизод, будто бы имевший ме-

сто в августе 1917 года, когда Кропоткин, побывав в штабе питерских анархистов, «был подавлен грубостью и наглостью вооруженных до зубов молодцов, которых он там встретил, а также неряшливым видом их «гнезда». «И для этого я всю жизнь работал над теорией анархизма!» — с горечью сказал он Плеханову. А в ответ услышал: «Я в таком же положении. Мог ли я думать, что моя проповедь научного социализма приведет ко всему тому, что говорят и делают сейчас...»» (стр. 349).

Кризиса традиционного анархизма не отрицали и представители «раннего постклассического анархизма», вышедшие на авансцену еще при жизни автора «закона взаимной помощи». «Корабль, сколоченный Бакуниным, Кропоткиным и другими, руководимый русской анархической церковью, — заявлял в 1922 году один из этих теоретиков (А. Агиенко-Святогор, по совместительству и поэт), — вдребезги разбился на опыте анархии в царстве Махно» (стр. 250). Добавим, что и не только Махно. Что же нового предлагали «постклассики» («анархо-универсалисты», «мистические анархисты», «анархисты-гуманисты», «анархисты-биокосмисты» и прочая и прочая)?

Опираясь на архивные материалы и библиографические раритеты, автор развертывает — пожалуй, впервые в таком объеме и в столь систематической форме — пеструю панораму «новых» анархистских утопий. Придерживаясь методологического плюрализма, анархисты этой волны, среди которых выделялись А. Карелин, А. Гордин, А. Солонович, Л. Черный (П. Д. Турчанинов), Г. Чулков, А. Боровой, предложили ряд нетрадиционных («научных», по их собственному утверждению) решений проблем власти, государства, права.

Модный в начале века психологический подход к толкованию власти ярче других выразил А. Боровой — один из самых талантливых «постклассиков». Анархизм, утверждал он, должен скорректировать общественное сознание и тем самым изменить формы власти, ибо власть есть психическое взаимодействие членов общества. «Организованная власть» — фетиш: человек его создал, человек должен и освободиться от него.

Появляются нетрадиционные подходы и к проблеме «исчезновения государства». Признавая естественно-исторический характер этого процесса, анархисты допускали возможность разных его форм. Провидческие строки находим в работе А. Карелина «Что такое анархия?» (1923): «Невозможность революции, уничтожающей социалистическое государство, до настоящего времени научно не доказана и доказана, кажется, не будет» (стр. 268).

«Постклассики» не внесли кардинальных изменений в трактовку соотношения права и закона, хотя их критика последнего (например, рассуждения А. Карелина об аморальности принципа «разрешено все, что не запрещено», — с.м. стр. 292) отличалась

остротой и изобретательностью. Но новации все-таки были и выразились в разработке альтернативных концепций права: «индивидуально-психологической» (право — мера индивидуальной свободы); «социально-психологической» (право — коренящаяся в массовой (классовой) психологии уверенность, что отношения людей должны складываться именно так, а не иначе); «ценностной» (право — регулятор «обмена поступков») и т. д.

Новые анархисты в целом отвергали советский режим, предлагая взамен собственные проекты свободного общества. В их основе лежали разные принципы: анархо-индивидуалистическая самоорганизация индивидов (от отдельного человека через разного рода ассоциации к всемирной ассоциации); анархо-синдикалистская самоорганизация общества по производственному или профессиональному признаку (при помощи фабричных, земельных и т. п. комитетов и их федераций); анархо-коммунистическое самоопределение общества на основе территориально-коммунального начала (от отдельных добровольных общин до всемирной федерации). «Постклассики» (А. Шапиро, например) предлагали концепцию «кординированного федерализма», подразумевающую «предварительную согласованность» с центром всех важных решений и недопустимость его приказов «без сговора и без согласованности с местами» (с.м. стр. 279). Большие надежды анархисты 1920—1930-х связывали с развитием прямой демократии и общественной самодетельности — собраний, сходов, кооперативов, ассоциаций, союзов и т. п., идущих на смену государственным учреждениям.

Специфическую черту раннего постклассического анархизма С. Ударцев видит в его космизации. Высшая ценность анархизма — свобода человека, — утверждали «биокосмисты», может быть реализована только в космических масштабах, когда будет преодолен «натуральный» (природный. — Э. Б.) гнет и установлена власть человека над природой. Так что и у Мичурина имелись, как видим, свои предшественники.

Об освоении космоса и прежде мечтали такие умы, как Н. Федоров, К. Циолковский и В. Вернадский. Но все они, подчеркивает автор, были государственниками. «Биокосмисты» же увязывали вместе столь неоднородные задачи, как освобождение человека от государственных пут, покорение природы, проникновение в космос и даже личное бессмертие. Итогом виделось достижение безграничной свободы...

С тех пор минуло более полувека. И вот сегодня, на взгляд С. Ударцева, появились основания говорить о начале формирования на постсоветском пространстве «новой системы идей позднего постклассического анархизма» (стр. 301). Похоже, автор несколько опережает события: новой «системы» анархистских идей пока еще нет, и как скоро сложится она (если вообще сложится), неизвестно. Но вот общая тенденция —

«возникающего в общественном сознании периода радикальных реформ резонанса с анархической критикой тоталитаризма и государственности в целом» (стр. 3) — схвачена вполне корректно.

Перестройка и вызванные ею процессы привели к ломке политических и социальных структур. Революционной, подчеркнем, ломке. В подобных ситуациях неизбежно появление социальных общностей, которые, будучи отвергнуты новым режимом, протестуют против него и требуют либо возврата к старым порядкам, либо создания «подлинно народной власти». Эти общности — благодатная почва для анархистских настроений и идей.

Закономерность возрождения анархизма определяется еще и тем, что он выступает «как один из элементов сложного механизма перевода общественной системы... из состояния порядка в состояние хаоса и обратно. Не следует переоценивать значения анархизма, но было бы ошибочно и недооценивать роль этого элемента в механизме политической и правовой эволюции» (стр. 306).

Представленный множеством сравнительно небольших групп, ассоциаций, партий, постсоветский анархизм во многом воспроизводит структуру раннего постклассического анархизма. Но появляются и новые течения («анархо-экологи», «анархо-пацифисты» и т. д.), а также, как именует их С. Ударцев, идеологические «гибриды» вроде «анархо-демократов» или «анархо-троцкистов» (см. стр. 304). Такие новые анархисты стремятся расширить конструктивную часть своей доктрины, выступая с идеями мира, интернационализма, гуманизма, «прозрачности границ», разоружения, ненасилия, самоуправления, децентрализации, самоопределения наций, защиты природы.

Но анархизм не был бы анархизмом без активного критического начала. Сегодня он ставит вопрос не просто об отрицании государства, но об отрицании политической системы общества. Мишенями его критики становятся бюрократизм, милитаризм, нарушение прав человека. Нельзя не упомянуть и об антифашистском пафосе анархизма, хотя фашизму здесь нередко дается расширительное толкование.

Для правовой идеологии «позднего постклассического анархизма» характерны «првозглашение идей предельной гуманизации уголовного права, максимальной правовой защиты природы, признание неотчуждаемых естественных прав человека, существование которых не зависит от государства» (стр. 304), а также критика разного рода ограничений реализации прав и свобод человека.

Анархисты (как им это и «положено») составляют часть политической оппозиции, или, по удачному выражению автора, «постоянный элемент переменного состава оппозиционных сил» (стр. 302). В зависимости от ситуации и объекта критики они блокировались и с радикал-демократами, и с

И. А. Покровский, он требует для своей реализации (как, добавим, и социализм в его классической интерпретации) «поистине святых людей», вырождаясь иначе в «войну всех против всех» (стр. 18). Но правда и то, что на теоретическом уровне анархизм акцентирует острые и болезненные проблемы, порождаемые деятельностью государства и скрывающиеся последствием от ответственности, и тем самым способствует нахождению оптимальных форм государственного регулирования.

Полуторавекковая история отечественного анархизма напоминает об опасности со-

коммунистами, и с национал-патриотами.

Наш новый анархизм делает первые шаги, он слаб теоретически, его политические возможности ограничены. Однако влияние анархистского духа и отдельных идей, установок, принципов выходит за пределы узкопартийного круга, оказывая влияние — не всегда легко идентифицируемое — на общественное мнение.

В чем общая специфика нашего современного анархизма, что отличает его от анархизма европейского или американского? Автор специально этот вопрос не рассматривает, но, сопоставляя воззрения наших анархистов со взглядами их зарубежных собратьев, по-прежнему к определенным выводам.

Похоже, что специфика прежде всего в коллективистско-коммунистической ориентации. В Европе и особенно в США всегда доминировала анархистско-индивидуалистическая традиция. Это и неудивительно, если принять во внимание, что весь XIX и часть XX века прошли там под знаком классического либерализма (в то время как главной заботой Бакунина, Кропоткина и их последователей были общество в целом, «мир», община, вселенная). Правда, в постклассическом анархизме свобода индивида становится одной из главных проблем и целей. Но кончается все стремлением к синтезу начал анархизма-индивидуализма и коллективистских вариантов анархизма» (стр. 252). Именно синтезу, а не замене одного другим.

Встает и другой вопрос: а в чем суть анархизма как такового, где общая идея, объединяющая многообразные его проявления? И почему он пришелся сейчас ко двору (от Риги до Харькова, от Волгодонска до Казани — см. стр. 369, прим. 1)?

Анархизм — реакция индивида на подлинную или мнимую репрессию: социальную, политическую, культурную. Реакция зачастую спонтанная, бунтарская, утопическая. И крайне разнообразная, не укладывающаяся в рационализированные шаблоны (быть может, именно потому рафинированному анархисту-теоретику трудно признать в вооруженном до зубов грубоватом «братишке» свое альтер эго). Реакция, за которой стоит главная идея: освобождение человека от «навязанных» пут, будь то государство, закон, семья, либо какая-либо еще сила или структура, и возвращение его в дорепрессивное, естественное состояние.

Не раз высказывалась гипотеза об анархической природе русских (и славян вообще), о том, что государственность была навязана им извне, а анархизм явился естественной реакцией на это насилие. Однако русский анархизм правильнее бы толковать как реакцию на деспотическую природу российского государства. Пока эта природа не изменится, Россия будет оставаться благодатной почвой для анархизма и большевизма (у них единый корень), в каких бы мимикрирующих формах они ни проявлялись. Анархизм — обоюдоострое оружие. Как заметил еще в 1918 году юрист

циально-политического хаоса, неизбежно ведущего к диктатуре. Но опасен и крен в сторону сверхцентрализованного унитарного государства, подавляющего личность и рушащего гражданское общество. Вот, быть может, один из главных политических выводов, вытекающих из книги С. Ударцева. Книги, рекомендованной к печати Российской академией управления, опубликованной же в Республике Казахстан. В этом видится добрый симптом научного сотрудничества поверх межгосударственных барьеров.

Э. БАТАЛОВ